

Пашаева Татьяна Низамовна

ТРИ ПОВЕСТИ Н. Ф. ПАВЛОВА. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

В статье рассматриваются три повести одного из ярких и талантливых представителей русской прозы 30-х годов XIX века Н. Ф. Павлова, произведения которого до сих пор мало изучены. Анализ его повестей дан на фоне становления и развития жанра в литературе 30-40-х годов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 189-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-31

В статье рассматриваются три повести одного из ярких и талантливых представителей русской прозы 30-х годов XIX века Н. Ф. Павлова, произведения которого до сих пор мало изучены. Анализ его повестей дан на фоне становления и развития жанра в литературе 30-40-х годов.

Ключевые слова и фразы: Н. Ф. Павлов; цикл; «Ятаган»; «Именины»; «Аукцион»; светская повесть; русская повесть 30-х годов XIX века.

Татьяна Низамовна Пашаева

Кафедра русской литературы

Дагестанский государственный университет

albinas72@mail.ru

ТРИ ПОВЕСТИ Н. Ф. ПАВЛОВА. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО®

Н. Ф. Павлов был активным участником литературно-общественной жизни 30-40-х годов XIX века, автором нашумевших в свое время повестей, которые привлекли внимание Пушкина, Гоголя, Одоевского и Белинского. Его письма к Гоголю по поводу книги «Выбранные места из переписки с друзьями» и критические статьи оставили заметный след в истории русской культуры.

Павлов не принимал непосредственного участия в борьбе литературных направлений. Он печатался и в романтических издательствах («Московский телеграф», «Московский вестник»), и в органах «классиков» («Атеней», «Галатея»). Наиболее плодотворными для него оказались 30-е годы. Именно в это время начинает развиваться русская романтическая проза и особенно самый оперативный ее жанр - повесть. Многие тенденции, проявившиеся тогда, становятся важнейшими в русской литературе XIX века. Участвовали в этом процессе не только известные гении - Пушкин, Лермонтов, Гоголь, но и так называемые «второстепенные» писатели, в том числе и Н. Ф. Павлов.

При изучении прозы 30-х гг. XIX века и творчества Павлова необходимо учитывать следующее:

1. Жанр повести 30-х годов трудно поддается четкой классификации. Разные исследователи предлагают свою схему. Каждый исходит из собственных принципов анализа: по тематике, по сюжетостроению, по художественному методу и т.д.

2. Данная тема мало изучена. Единственным доступным серьезным академическим трудом является книга «Русская повесть XIX века», изданная в 1973 году [8], интересна в этом смысле и статья Б. Эйхенбаума [11].

3. Имеющиеся отдельные статьи по данной теме страдают социологичностью, тенденциозностью [2].

4. По творчеству Павлова имеется всего одна крупная монография - В. П. Вильчинского [3] - и несколько статей (в том числе статья Н. Степанова [9]).

Белинский отмечал, что «Три повести» Н. Ф. Павлова ознаменованы одним общим характером, и только их содержание придает им чрезвычайное наружное несходство [1, с. 280].

Действительно, эти повести, на первый взгляд, совершенно разные. «Именины» - о крепостном музыканте, «Аукцион» - светская новелла с «пустячным» сюжетом, а «Ятаган» - обличительная повесть о драматической истории разжалованного в солдаты корнета. И, тем не менее, все они были изданы под общим названием в виде цикла (1835), хотя «Аукцион» был опубликован раньше, в 1834 г., в журнале «Телескоп». Причем соединяет их не только общее название, но и эпиграф - «Domestic facta» (Домашние дела). Вспоминается известное определение Пушкиным романа: «В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» [7, с. 71]. И его же - «ознакомимся с прошедшим временем не с *enflure* французских трагедий, - не с чопорностью чувствительных романов - не с *dignite* истории, но современно, но домашним образом...» [Там же, с. 331]. Это сказано совсем о другом, но проясняет замысел Павлова, тем более, что и в самом тексте мы не раз встречаем замечание рассказчика: «У всякого в жизни, как в горячке, есть перелом, двенадцатый день, свое домашнее Ватерлоо...» [6, с. 12] Или: «Сильный характер обнаруживается часто в тесном кругу, под домашнею кровлей...» [Там же, с. 4]. Споря с произведениями, в которых герой проявляется только в необычных обстоятельствах, автор «Именин» заявляет: «... человек везде равно достоин внимания»; «Приглядишься к ... последнему из людей: в нем найдешь пищу для испытующего духа точно так же, как в человеке, который при глазах целого мира пронесется на волнах жизни из края в край...» [Там же].

Таким образом, подзаголовок указывает на объединяющий все повести принцип: исследовать душу человека (кто бы он ни был) «под домашнею кровлей», «посреди тихого семейного быта» [Там же, с. 5].

Посвящение Н. В. Чичерину указывает на эту же задачу: «Я не умел ни разу отгадать, // что' в жизни сказка».

Повести расположены в цикле следующим образом: первая и третья - мелодраматические истории, основной конфликт которых - социально-психологический: все, что происходит с героями обусловлено их положением в обществе. Одна повесть как бы зеркально отображает другую: в «Именинах» крепостной музыкант оказывается в светском обществе, а затем - в солдатах (причем, для него это наилучший исход, - свобода). В «Ятагане» же дворянин, корнет разжалован в солдаты, и для него это оборачивается жизненной трагедией. В первой повести любовь не выдерживает социального испытания, во второй - она оказывается в каком-то смысле виновницей драмы.

В «Именинах» осложняющей темой является музыка, искусство, в «Ятагане» - роковой подарок матери.

«Аукцион» же очень близок к новелле (во многом напоминая стиль Э. По), в которой неожиданно то, что ничего не происходит, герои не меняются и уж к ним-то никак не отнесешь слова: «...в жизни каждого, кто бы он ни был... мы встретим или чувство, или слово, или происшествие, от которого поникнет голова, приыкшая к размышлению» [Там же, с. 4].

Итак, все три повести - о светском обществе, в котором гибнет всякое человеческое чувство, любая неординарная личность, но процветает пошлость и обыкновенность.

«Именины» по сути содержат три истории. Центральная из них - рассказ офицера, бывшего крепостного музыканта, о себе; второй сюжет - история г. Н, друга рассказчика-повествователя. Объединяет эти два основных эпизода основной рассказчик, назначение которого - засвидетельствовать те перемены, которые произошли с его другом. Отсюда - несколько проблем, поставленных в повести.

1. Тема крепостного права и связанная с ней проблема социального неравенства. Но Павлова интересуют эти вопросы со стороны психологической.

Молодой человек, талантливый музыкант, но по происхождению крепостной крестьянин, принят в светском обществе. Образование, ум и чувствительность помогают ему увидеть себя со стороны. Уязвленное самолюбие подсказывает ему истинное отношение света к нему и его таланту: «машина, которая играет и поет...» [Там же, с. 11]. Вырабатывается особенный характер, психология человека, который постоянно ощущает свою неполноценность. Как бы он ни был талантлив, его все равно считали «ниже себя», обедал он «на унижительном краю стола», «блюда ему подавали последнему» [Там же, с. 16]. Горькой иронией проникинут его рассказ о том, как один весьма «чувствительный человек» хвалился тем, что «продал двух музыкантов по тысяче рублей за штуку» [Там же, с. 17].

Павлов не изображает ужасов крепостного права, он просто рисует психологическую невозможность рабства. В этом отношении «Записки охотника» И. С. Тургенева близки Павлову.

Вполне приличные интеллигентные люди, прекрасно разбирающиеся в музыке, вдруг говорят о музыкантах как о вещах. Новаторство писателя заключалось в том, что типичный романтический конфликт героя со средой приобретает здесь конкретный, ужасающий и такой для того времени обыденный смысл. Обычное, каждодневное, не вызывающее удивление (крепостное право) становилось особенным, привлекало внимание. Речь шла уже не о том, что «крестьянки чувствовать умеют». Стремление «к одной, но пламенной страсти» оборачивается земным желанием физической свободы. Резкое расхождение человека с обществом упирается в социальное неравенство, а романтические штампы «вы не созданы для меня... Что я? Откуда я?» [Там же, с. 21] наполняются вполне конкретным смыслом.

2. Все остальные темы в повести подчинены главной. Служба в армии, тяжелая и тягостная, была для героя свободой, потому что его «уже не пугала барская прихоть», он перестал быть «слугою» людей, появилось будущее. Общечеловеческие ценности проверяются социальным. Смерть, любовь, музыка, литература - все испытывается. Книги оскорбляли крепостного музыканта, потому что он не находил в них «себя»: «Я был существо, исключенное из книжной переписи людей...» [Там же, с. 12]. Любовь, которая, казалось бы, должна быть наименее социальной из всех ценностей - «Мне мечталось, что мы равны с нею...» [Там же, с. 19] - еще ярче выявила это неравенство: «Любовь показала мне ясно, лучше, чем все рассуждения, что подо мною не было никого, и сколько надо мною!...» [Там же]

Лишь музыка и смерть уравнивают людей, - считает герой. Недаром любовь к нему аристократки возможна только на фоне природы и музыки: «Слова - ум, душа - звуки; слова ограничены, как ум; одни звуки так же неопределенны, как душа». Музыка заставила его забыть о неравенстве (важно, что знакомство музыканта-офицера и его невольного соперника тоже началось со «светлых, пламенных звуков...» [Там же, с. 8]: «на краю погибели, на краю человеческого отчаяния она же подавала мне утешение, не подвластные никакому горю и ничьему произволу»; «Ах, покуда струна, покуда голос будут потрясать воздух, до тех пор половина меня может страдать, но другая все будет наслаждаться!» [Там же, с. 11]. Музыка становится спасительницей униженной души, в ней слышно «и небо, и землю» [Там же, с. 18]. Намечается романтический уход героя в иной, идеальный мир музыки - тема типичная для этого направления. Но у Павлова все иначе. Как пишет В. М. Маркович, «тема искусства только для того здесь и нужна, чтобы оказалось возможной эта напряженная социальная коллизия» [5, с. 29]. Ученый считает, что все темы этой повести разобщены, проблемные и сюжетные связи лишены подлинной органичности. На самом же деле все зависит от угла зрения. Если искать в этой повести глубокого раскрытия темы искусства, художника и действительности, то Маркович прав: тема искусства постепенно «растворяется» в социальной драме: «Наблюдая за перипетиями солдатской жизни героя, легко забыть о том, что речь идет о музыканте с выдающимся дарованием: это обстоятельство совершенно улетучивается из повествования» [Там же].

Но основная тема здесь на самом деле - социальное неравенство. И поэтому говорить, что «любовной коллизии придается универсальное значение» (в ущерб социальной драме) - совершенно не учитывать это обстоятельство.

Все темы в повести, все сюжеты призваны выявить только одно - психологию человека, переживающего страшную социальную драму. То, что он музыкант, что влюблен в аристократку и даже то, что он становится офицером, - все это только подчеркивает его чувство ущемленности, неравенства, которые развивают в нем странное причудливое сочетание, с одной стороны, человека, стремящегося к свободе, а с другой - лакея, навсегда усвоившего психологию раба: «Зато я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадется». Прошло много лет, он стал офицером, человеком свободным, но никогда он так и не смог забыть своего унижения. И потому мстит: «Понимаете ли вы удовольствие отвечать грубо на вежливое слово..., развалиться на креслах перед чопорным баричем, перед богачом» [6, с. 11]. Пушкин называет эти черты холопством и отмечает, что именно в этих строчках «чувство истины увлекло автора даже противу его воли» [7, т. 6, с. 216].

Итак, психология героя социально детерминирована. Все в повести подчинено мысли об обстоятельствах, общественном положении, которые иногда называются по старой привычке «иглом судьбы», «роком» [6, с. 20]. На самом же деле, узнав от офицера, что он бывший крепостной, и автор рукописи досадовал, что «поторопился пригласить его к себе», «чувствовал невольное отвращение к нему» [Там же, с. 25]. Все общечеловеческие ценности в итоге оказываются социально зависимыми.

Тема второй истории, являющейся фоном, обрамляющим центральный сюжет, - это любовь, семья. Возможно ли семейное счастье и от чего оно зависит? Какова психология светской женщины, возможна ли в ней искренность? Красота, чистота, невинность, верность - все самые лучшие качества в свете оборачиваются ложью, предательством, обманом.

Эта тема имеет свое продолжение в «Аукционе». Здесь все - игра. Романтические страсти, необычная внешность, ожидание чего-то особенного. За всем этим - пустота, форма без содержания. Все фальшь - и «Чайльд- Гарольды», и «Онегины», и «польская графиня», которая оказалась русской княгиней и, как Татьяна Ларина, утром, в неглиже встречает своего поклонника. Павлова даже упрекали в связи с таким критическим отношением к светской женщине, в «зависти» к людям «отборного общества». Например, Шевырев писал, что автор «Аукциона» «хочет сбросить с пьедестала великосветскую женщину» [Цит. по: 3, с. 33].

При внешней узнаваемости поразительна пропасть между теми, кто действительно разочарован (Онегин, например) и теми, кто играет в романтическую опустошенность. Можно развешивать на стенах своего кабинета байроновские пейзажи («буря природы и буря души»), можно курить трубку и делать вид, что мечтаешь возле камина, похожего «на очаг какого-нибудь колдуна», но Грушницкого под сюртуком угадать легко. Любопытно, что читая «Княгиню Лиговскую» (написанную позже и ненапечатанную), легко увидеть общий стиль, сходство в описании кабинета героя, чувств его и переживаний, поданных Лермонтовым без тени иронии. Это заметил еще Ап. Григорьев. А. Трифонов [10, с. 127-128] писал, что «сходство между павловской и лермонтовской повестью простирается порой до мелочей»; «Можно считать Павлова одним из предшественников Лермонтова в разработке им психологической повести».

«Ятаган» (подробный анализ этой повести дается в монографии В. П. Вильчинского [3, с. 48-51]), пожалуй, в наибольшей степени из трех повестей демонстрирует, как формировалась проза 30-х годов 19 века. Если бы не было известно, что Гоголь писал свои повести почти одновременно с Павловым, а некоторые из них - и позже, то показалось бы, что Павлов позаимствовал у великого писателя очень много: «То резво бросал он ее под левую руку, то важно опускал к правому колену, принимая степенное положение»; «С какою негою ложились его благодарные пальцы на черный миниатюрный ус... этот ус не походил на густой, суровый, беспорядочный, висячий ус закоренелого солдата... Этот ус был... для гостиной, для женщины» [6, с. 34.] и т.д.

В 30-е годы идет огромная, очень кропотливая работа по формированию прозы. Конечно, влияние одного писателя на другого исключать нельзя. Тем более, что Павлов пользовался в то время огромной популярностью. «Повестям Павлова подражали, его героев копировали, некоторые фразы из светских повестей становились модными афоризмами, их использовали в качестве эпитафий», - пишет исследователь Павлова - Вильчинский [3, с. 38], опираясь на исследования Н. А. Трифонова [10], Ю. Гранина [4]. Все они - и Марлинский, и Гоголь, и Лермонтов, и Одоевский, и Соллогуб - жили в одно и то же время, их волновали общие проблемы. И, кроме того, само движение прозы шло в одном направлении - к реализму. Очевидно, например, влияние Павлова на Тургенева, может быть, неосознанное.

Основная тема последней повести - «бесправие подчиненных и произвол начальства» [3, с. 47] в армии. По своей критической направленности оно произвело ошеломляющее впечатление на современников. Даже после смерти Николая I Павлов получает отказ от военного цензора на перепечатку этой повести: «Что касается повести «Ятаган», то я со своей стороны нахожу, что она по возмутительной картине гнета старшего над младшим (полковника, представленного грубым служакой, над корнетом, к которому возбуждена вся симпатия читателя) и вообще по своему духу и направлению не может быть разрешена к помещению в новом издании сочинений г. Павлова» [Там же, с. 49].

Тема эта очень актуальна в 30-е годы, и все же огромное впечатление на современников повесть произвела тем, что социальные проблемы в ней рассматриваются с психологической стороны. Павлов исследует, как изменение общественного положения героя меняет отношение к нему людей, да и самого его тоже. Все вокруг «сохранило прежний вид веселой роскоши», но уже «разорваны были эти нити, которые связывали его с фарфором, бронзой и мрамором. Отнимите у человека блеск, суету, возможность суеты, и ему или опротивеют до ненависти прихотливые выдумки роскоши или покажется слишком мелкой эта наружная отделка жизни» [6, с. 61]. «Душа моя присмирела в этом мундире» [Там же, с. 67], - признается герой.

И вновь проверяются все жизненные ценности. Любовь женщины, любовь матери, природа и красота. Любопытно в этом смысле сравнить Тургенева и его прием - испытание героя, его воли - любовью, общечеловеческими ценностями. У Павлова, напротив, любовь проверяется изменением общественного положения героя, т.е. социальным его статусом.

Княжна продолжала любить его, но «в нем был только один недостаток. Этого не умели уже исправить ни ее сердце, ни ее воображение, и для этого-то нужен был прежний мундир. Спокойствие, блестящая будничность, добрую славу, самую жизнь она отдала бы ему, да как отдать руку? Солдату нельзя ездить в карете!» - иронизирует автор. Павлов рисует, как социальное неравенство разводит героев. Суетность княжны, мелкое тщеславие, своеобразная игра, которую она затеяла с полковником («она призналась себе тут, что в обращении с полковником... поддалась извинительному желанию: потешиться жертвой своей красоты» [Там же, с. 63], оказываются неуместными и губят корнета. Брюнет, еще недавно красавец, самоуверенный молодой человек, которого все любили и который имел право на эту любовь, стал изгоем - солдатом. И полковник может сказать о нем: «Ты мой при свете солнца, при тысяче глаз». Если раньше, когда Бронин был офицером, единственным исходом в этом случае могла бы стать дуэль (недаром корнет разжалован в солдаты именно за дуэль с адъютантом, защищая свою любовь), то теперь все просто - солдата можно выпороть.

Писатель показывает эволюцию героя, который под воздействием страданий, унижений и любви становится «выше всех общечеловеческих отношений, всех соперников и выше всякой славы».

Как что-то обыкновенное рисует Павлов наказание «сквозь строй», для солдат это привычное дело: «Проворно разнесли по рядам свежие прутья. Иные солдаты ловко схватили их и красиво взмахнули ими по воздуху» [Там же, с. 78].

Итак, основная тема здесь - социальная. Но в этой повести в большей мере, чем в «Именинах», нагромождены разные второстепенные темы, которые временами выходят на передний план, оттесняя главную, магистральную, и тем самым ослабляют общее впечатление. Автору как будто бы хотелось сказать обо всем. А в результате драма корнета выглядит случайной: если бы не ревность, то в общем-то добрый полковник никогда бы так не поступил; если бы успели ему сообщить, что он прощен, то, может быть, он бы не убил полковника и т.д. Но, с другой стороны, эта случайность еще более подчеркивает произвол, власть одного человека над другим, связанная с общественным его положением.

Отдает дань в этой повести Павлов и романтической теме ятагана, как рокового предмета, способствовавшего несчастью героя. Само название, эпиграф, много раз повторяемое в тексте «кинжалами не дарят» [Там же, с. 39, 43, 74, 78], мрачное предчувствие, связанное с ятаганом - все это вводит в вполне реальную картину тему рока, судьбы. Этот мотив не получает особого развития, но он проходит через всю повесть, возбуждая любопытство читателя. И, может быть, просто следуя традициям романтической прозы, Павлов, тем не менее, этой деталью еще больше подчеркивает, что Бронин не выдерживает испытания. Человек света, он не может смириться со своим теперешним положением, считая его унижением. Любопытно, что у него - солдата - есть старый слуга Павел и камердинер, а солдаты, с которыми он служит, прекрасно ощущают разницу между ним и собою: «Возвращаясь с учения, некоторые солдаты рассуждали между собой о преимуществах толстой рубашки перед тонкой...!» [Там же, с. 73]. Явно сочувствуя своему герою, автор, тем не менее, мотивом ятагана, «сработанного под знойным небом для сильной руки и раскаленной крови, посвященный мщению...» [Там же, с. 40], наводит читателя на мысль о том, что слабый, тщеславный, перенесший множество страданий и сломившийся, он не годится в романтические герои. А все романтические штампы, которых в повести очень много, уже звучат иронически.

Есть в повести еще две темы, две человеческие ценности, подвергающиеся социальному испытанию. Это материнская любовь и природа. И обе они не подвластны никаким переменам: «...есть горячие поцелуи и радостные слезы, но нет слезы чище, нет поцелуя откровенней, как слеза и поцелуй матери».

Много лет проходит, но остается по-прежнему Красивая Мечь с ее поэзией «темной старины», легендами и очарованием. И так же, как позднее это сделает Лермонтов в «Герое нашего времени», а И. С. Тургенев в «Записках охотника», Павлов подчеркивает разницу между тайной гармонии природы и страстями человеческими. Все согласно в природе, и лишь человек вносит в нее диссонанс [Там же, с. 41].

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. I, II. С. 259-308.
2. **Белкина Н. М.** «Светская повесть» 30-х годов и «Княгиня Лиговская» Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1941. Сб. первый. Исследования и материалы.
3. **Вильчинский В. П.** Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество. Л., 1970. 183 с.
4. **Гранин Ю.** Очерки по истории русской литературы первой половины XIX века. Баку, 1941. Вып. 1. 240 с.

5. **Маркович В. М.** Тема искусства в русской прозе эпохи романтизма // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: сб. произведений. Л., 1989. С. 5-37.
6. **Павлов Н. Ф.** Сочинения. М., 1985. 304 с.
7. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 12 т. М., 1981. Т. 6, 8. 508 с.
8. **Русская повесть XIX века: история и проблематика жанра** / под ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1973. 566 с.
9. **Степанов Н.** Поэты и прозаики. М., 1966. 306 с.
10. **Трифонов Н. А.** Повести Н. Ф. Павлова // Ученые записки МГПИ. М., 1939. Вып. 2. С. 92-132.
11. **Эйхенбаум Б.** О прозе: сб. ст. Л., 1989. 504 с.

N. F. PAVLOV'S THREE NARRATIVES. TRADITIONS AND INNOVATION

Tatyana Nizamovna Pashaeva

Department of Russian Literature
Dagestan State University
albinas72@mail.ru

In the article three narratives by one of the bright and talented representatives of the Russian prose of the 30s of the XIXth century - N. F. Pavlov, whose works have been little studied so far - are considered. The analysis of his narratives is presented against the background of the formation and development of the genre in the literature of the 30-40s.

Key words and phrases: N. F. Pavlov; cycle; "Yataghan"; "Name day"; "Auction"; secular narrative; Russian narrative of the 30s of the XIXth century.

УДК 82-32

В статье рассматривается мировосприятие экспрессионизма и значение цвета в творчестве этой эпохи на примере новеллы Леонгарда Франка «Мать». Основной упор в работе сделан на символику цвета. Анализируется воздействие определенных цветообразов, их особая выразительная сила.

Ключевые слова и фразы: новелла; цвет; цветообозначения; экспрессионизм; художественный образ; колористика мировосприятия; война; художественное пространство.

Татьяна Васильевна Протопопова

Кафедра зарубежной литературы

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
dragon-82@mail.ru*

ЦВЕТОВАЯ ЭСТЕТИКА ЭКСПРЕССИОНИСТСКОЙ НОВЕЛЛЫ «МАТЬ»[©]

Осмысление и осознание цвета неразрывно связано с социально-культурным и эстетическим восприятием. Всякий отдельно взятый цвет понимается человеком различно в зависимости от культурно-исторического контекста, от положения цветового мазка в структуре текста, от культурного уровня и других факторов. Цветовые ощущения могут также вызывать воспоминания и связанные с ними эмоции, образы, психические состояния - это называется цветовыми ассоциациями, которые могут быть физическими, физиологическими, этическими, эмоциональными и др. Цветообозначения, несмотря на определенную ассоциативную заданность многозначны и нередко амбивалентны. В результате взаимодействия в тексте с различными понятиями, цветообозначения переосмысляются, дополняя свое основное значение новыми оттенками звучания. «В экспрессионизме изображаемое и изображенное сильно расходятся. Изображенное - уже не то, чем является объект изображения. Изображенное в его конкретности - всего лишь призыв понять то, что изображено. В некотором смысле изображаемое лежит вне пределов картины, драмы, стихотворения» [3, с. 8]. Произведение не нацелено на внешнюю реальность, оно предлагает иную реальность - мир художника. Для экспрессиониста подлинная реальность заключена в нем самом. Предстающая перед нами действительность не может быть подлинной, реальность должна создаваться нами самими. И цвет как раз помогает это осуществить - отобразить, например, личное восприятие автора.

Большие эмоционально-психологические возможности цвета повлияли на воплощение творческого замысла Леонгарда Франка. Цветообозначения не только вызывают переживания, соответствующие переживаниям реальных ситуаций, но также помогают структурировать художественное пространство и отразить настроение писателя.